

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222

Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения

Кирилл Витальевич Злоказов

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Аннотация

Введение. Актуальность исследования самореализации криминогенной личности обусловлена необходимостью предупреждения и профилактики рецидивной преступности лиц, ранее подвергнутых уголовному преследованию. В статье рассматривается значение самореализации как альтернативного криминологическому способу изучения причин совершения преступлений, неудач ресоциализации и реинтеграции в общество после отбывания уголовного наказания. Показано, что самореализация криминогенных лиц не изучается достаточно интенсивно наряду с другими проявлениями субъектности личности. Как следствие, отсутствует целостное представление о ее специфике у лиц с последовательно-криминогенным, ситуативно-криминогенным и правопослушным поведением, роли социального окружения в формировании направленности и преодолении трудностей. **Целью** выступает описание самореализации личности в зависимости от уровня криминогенности, а также отношений к социальному окружению, влияющих на ее осуществление. **Методы исследования** разделяются на методы обработки теоретической информации (анализ, синтез, систематизация, обобщение), а также эмпирические методы опроса и обработки результатов эмпирического исследования (сопоставление групп методом U-критерия Манна-Уитни, расчет обобщенной линейной модели (general linear model, GLM)). **Эмпирическое исследование** посвящено изучению самореализации личности в зависимости от типа криминогенности поведения и отношений к социальному окружению. **Выборка** исследования состоит из 388 человек, правопослушных лиц – 142 человека, ситуативно-криминогенных лиц – 133 человека, последовательно-криминогенных лиц – 113 человек. **Результаты.** Результатом исследования выступает эмпирическое описание особенностей самореализации, присущих лицам последовательно-криминогенного типа поведения, значения социального окружения. Установлено, что криминогенность негативно влияет на самореализацию криминогенной личности, затрудняя выбор личностно-значимой цели, ее удержание и достижение. Необходимым условием для поддержания направленности и преодоления трудностей в самореализации криминогенной личности выступает наличие отношений с социальным окружением. Самореализация криминогенной личности зависит от отношения к себе как субъекту взаимодействия с окружающими и соучастия других людей в достижении личностно-значимых целей. Результаты применимы в теоретических исследованиях криминогенной личности, разработке программ предупреждения и профилактики рецидивной преступности ранее судимых лиц.

Ключевые слова

криминогенная личность, личность рецидивного преступника, криминальное поведение, самореализация криминогенной личности, социальное окружение преступника

Для цитирования: Злоказов, К. В. (2024). Самореализация криминогенной личности: значение социального окружения. *Российский девиантологический журнал*, 4 (2), 204–222. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222.

Original paper

Self-fulfilment of a criminogenic individual: the importance of social environment

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444**Abstract**

Introduction. The relevance of the study of criminogenic **individuals'** self-fulfilment is determined by the necessity to prevent recidivism. The paper considers the importance of self-fulfilment as an alternative criminological technique to examine the causes of crime, failures of resocialisation and reintegration into society after serving a criminal sentence. The research shows that self-fulfilment of criminogenic individuals is not studied enough along with other aspects of personality subjectivity. Thus, there is no holistic view of its specificity among individuals demonstrating sequential-criminogenic, situational-criminogenic and law-abiding behaviour, the role that social environment plays in overcoming difficulties. **The aim** is to describe the self-fulfillment of an individual depending on the level of criminality, as well as attitudes to the social environment that influence its realization. **Research methods** are divided into methods of processing theoretical information (analysis, synthesis, classification, generalisation), as well as empirical methods of survey and processing the results of empirical research (comparison of groups by Mann-Whitney U-criterion, calculation of the generalized linear model (general linear model, GLM)). **The empirical study** is devoted to the study of self-fulfilment of individuals depending on the type of criminogenic behaviour and attitudes to the social environment. The sample of the study consists of 388 people covering 142 law-abiding individuals, 133 situational-criminogenic people and 113 sequential-criminogenic individuals. **Results.** The result of the study is an empirical description of the peculiarities of self-fulfilment, typical for individuals exhibiting sequential-criminogenic type of behaviour, and importance of the social environment. The study revealed that criminogenesis negatively affects the self-fulfilment of a criminogenic individual, making it difficult to choose a personal significant goal, its retention and achievement. The availability of relations with the social environment proves to be the essential factor to maintain the focus and dealing with difficulties in self-fulfilment of a criminogenic individual. Self-fulfilment of a criminogenic individual depends on the self-attitude as a subject of interaction with others and participation of other people in personally significant goal attainment. The results can be applied in theoretical studies of criminogenic individuals, designing programs aimed at prevention of recidivism.

Keywords

criminogenic individual, personality of recidivist, criminal behaviour, self-fulfilment of criminogenic individual, social environment of criminal

For citation: Zlokazov, K. V. (2024). Self-fulfilment of a criminogenic individual: the importance of social environment *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (2), 204–222. doi: 10.35750/2713-0622-2024-2-204-222.

Актуальность исследования

Рассмотрение вопроса самореализации криминогенной личности выступает актуальным предметом изучения по нескольким соображениям. Острой социальной значимостью обладает проблема рецидивной преступности лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Анализ статистических сведений о состоянии рецидивной преступности в Российской Федерации в 2023 году показывает, что 216521 преступлений (т. е. 39 % от общего числа) было совершено лицами, имеющими неснятую, непогашенную судимость. При этом доля рецидивной преступности в общей статистике преступлений существенно не изменяется на протяжении ряда последних лет¹. Криминологическая оценка рецидивной преступности в Российской Федерации свидетельствует о том, что более двух третей всех преступлений совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Анализ совершенных преступлений показывает, что практически половине из них свойственна корыстная направленность (91 тысяча краж и мошенничеств), тогда как корыстно-насильственные преступления составляют лишь 6 % (13 тысяч грабежей и разбоев). Доля рецидивных преступлений, посягающих на жизнь и здоровье окружающих, достигает 12 % (25 тысяч случаев).

Показатели преступлений, совершаемых данной категорией лиц, не претерпевают существенных изменений, несмотря на прилагаемые усилия по предупреждению и профилактике их противоправного поведения. Связанной с данной проблемой является задача совершенствования мер пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия на лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Их преобразование, в свою очередь, требует инвентаризации и развития теоретических представлений о криминогенной личности как субъекте противоправного поведения. Проблематика самореализации криминогенной личности не в полной мере соответствует криминологическим взглядам на личность преступника. Согласно им, криминогенная личность как комплекс личностных характеристик, побуждающих к совершению преступления, является следствием социальных или психологических нарушений. Противодействие негативному влиянию осуществляется угрозой уголовного наказания либо, в случае совершения преступления, специально организованным воздействием, направленным на ресоциализацию. Представление о самореализации нехарактерно для криминологических концепций и транслируется из гуманистического подхода к личности, разработанного в психологической науке. Самореализация выражает субъектность личности, представляя собой потребность в воплощении внутреннего представления о себе, своих жизненных целях, планах, устремлениях. Соответственно, изучение самореализации криминогенной личности позволяет обращаться к внутреннему миру личности, анализировать ее представление о допустимости противоправного поведения, позицию по отношению к обществу, его нормам и ценностям. Основания выбора личностно-значимых целей и направленность на их достижение образует отдельную, относительно независимую от внешнего воздействия сферу личности, влияющую на поступки и решения криминогенной личности. С учетом изложенного изучение самореа-

¹ Состояние преступности в Российской Федерации. *Официальный сайт МВД России*. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 22.04.2024).

лизации криминогенной личности может способствовать расширению представлений о причинах противоправного поведения. Однако к настоящему времени в научной литературе недостаточно описана специфика самореализации лиц с различным уровнем криминогенности, что препятствует решению задачи оценки роли самореализации для предупреждения и профилактики рецидивной преступности. Учитывая, что существующая система исправления поведения осужденных направлена на их вовлечение в общество посредством ресоциализации и реинтеграции, проблематика самореализации рассматривается нами в контексте взаимодействия с социальным окружением. Тем самым захватывается наиболее значимый сегмент проблемы самореализации, связанный с оценкой роли социального окружения в формировании направленности самореализации и ее осуществлении.

Поэтому в статье раскрывается один из аспектов исследования самореализации, связанный с оценкой ее направленности и трудностей, присущих лицам с разным типом криминогенности поведения.

Целью статьи выступает описание самореализации личности в зависимости от уровня криминогенности, а также отношений к социальному окружению.

Задачами исследования является: а) описание представлений о криминогенной личности, самореализации как форме воплощения субъектности; б) проведение эмпирического исследования самореализации у лиц, различающихся по критерию криминогенности.

Результатом выступают новые знания об особенностях самореализации лиц, различающихся по критерию криминогенности, понимание роли социального окружения в ее осуществлении.

Структура статьи соответствует поставленной цели и задачам. Теоретическая часть раскрывает представление о криминогенной личности как субъекте криминального поведения, раскрывает научные взгляды на самореализацию личности и ее значение для жизнедеятельности. Эмпирическая часть статьи описывает организацию, методы и процедуру исследования, результаты сопоставления характеристик самореализации у лиц с разным уровнем криминогенности.

Теоретические основания исследования. Изучение криминогенной личности в криминологии и криминальной психологии подчинено задаче противодействия криминальному поведению лиц, ранее уже подвергавшихся уголовному преследованию.

Исторически выделяются два направления изучения криминогенной личности, формировавшиеся под влиянием антропологического и социологического подходов в криминологии. Первое нацелено на изучение преступности как биосоциального явления (В. М. Бехтерев, М. Н. Гернет, А. Ф. Зелинский, С. В. Познышев, И. Я. Фойницкий, А. И. Щеглов и др.). Рассматривая криминогенную личность как проявление негативных психофизиологических и психологических особенностей личности, побуждающих к совершению преступлений, направление ориентировано на разработку программ предупреждения и профилактики криминального поведения.

Второе направление исследований реализуется в рамках уголовного преследования лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Их целью выступает изучение личности преступника, раскрытия субъективных оснований его деяний и, в контексте психолого-психиатрического исследования, экспертная оценка способности субъекта осознавать собственные действия, их последствия для себя и окружающих. Его основу составляют работы А. Н. Бернштейна, А. Е. Брусиловского, М. П. Бухвалова, Л. Е. Владимирова, А. Р. Лурии, А. И. Ющенко др., закладывающие основы судебно-психологической экспертизы криминогенных лиц.

В современных психологических исследованиях данные направления зачастую интегрированы. Криминогенная личность рассматривается сложным образованием, объединяющим

потребностно-мотивационные, регулятивные, когнитивные и ценностно-смысловые сферы. При этом психологическая интерпретация криминогенной личности существенно отличается от правового или клинико-психологического подходов, также рассматривающих личность в качестве элемента детерминации криминального поведения, несколькими принципиальными особенностями. Во-первых, приданием ключевого значения личности, а не отдельным ее свойствам или характеристикам как в детерминации, так и регуляции криминального поведения, во-вторых, детерминированностью криминогенности психосоциальным развитием, связывающим воедино аномалии развития и искажения социализации, в-третьих, признанием возможности противодействия криминальному поведению за счет психологической коррекции отдельных личностных компонент (мотивации, регуляции, ценности). Таким образом, криминогенная личность представляется системно организованным механизмом побуждения и регуляции криминального поведения, интегрирующим и биологические, и социальные факторы, в совокупности приводящие к криминализации. В числе причин криминального поведения ранее судимых лиц выделяется комплекс факторов:

1) неблагоприятные социальные условия жизнедеятельности. Так, О. В. Филиппова с соавторами, анализируя предпосылки рецидивной преступности, указывает, что их основной причиной является отсутствие источника дохода. Согласно приводимым ими данным опроса осужденных-рецидивистов, 73,5 % назвали отсутствие работы причиной совершения нового преступления (Филиппова, Смирнов, Чернышева, 2022). При этом, как отмечает А. Д. Денисов, лица, совершившие рецидив, характеризуются низкой трудовой активностью, имеют полное или неоконченное среднее общее образование, не имеют высокой квалификации (Денисов, 2019). К числу причин исследователи относят отсутствие у осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, документов, устанавливающих личность, имущественные и иные права, отсутствие постоянного места проживания. Ряд причин обусловлен негативным воздействием на криминогенную личность последствий заболеваний, травм, стрессовых и экстремальных факторов;

2) личностные особенности, препятствующие ресоциализации и реинтеграции криминогенных лиц. Так, Е. Ф. Сердюкова, диагностируя особенности ценностно-мотивационной сферы лиц, осужденных за преступления против собственности, отметила их нежелание изменять свои привычки и склонности (Сердюкова, 2016). Характеризуя особенности поведения лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, О. А. Цветкова и О. В. Волкова выявили выраженную у них конфликтную стратегию поведения. Для нее характерны агрессивность в отстаивании интересов, стремление к самоутверждению за счет других людей, при отсутствии ясного плана на будущее (Цветкова, Волкова, 2022). Неспособность и нежелание бывших осужденных выстраивать социально-положительный образ жизни, срыв и возвращение к криминальному поведению также отмечается О. М. Писаревым в качестве личностной особенности, сформированной вследствие длительного отбывания наказания (Писарев, 2018). Ряд исследователей выделяет криминальную направленность личности в качестве глобального фактора, влияющего на изменение отношения к окружающим на пенитенциарной и постпенитенциарной стадиях посткриминального этапа жизнедеятельности. Исследователи по-разному характеризуют ее проявления, выделяя внешнюю сторону (криминальную зараженность, сохранения культуры общения и взаимодействия, свойственной осужденным) (Бусыгин, Вербина, 2017), а также внутреннюю, субъективную (подверженность криминальным ценностям, сохранение криминальной идентичности, отрицание правопослушного образа жизни) (Кохман, Добров, 2021). В работе И. Н. Коноплевой с соавторами делается вывод о том, что криминогенным лицам свойственны недостатки (дефекты) саморегуляции, планирования и низкой самостоятельности, клинико-психологические особенности личности

(агрессивность, лживость) (Коноплева и др., 2022). В исследовании Е. В. Овчаровой отмечается, что личностные особенности криминогенных лиц, склонных к рецидиву, могут быть описаны комплексом методик, характеризующих индивидуально-психологические особенности («Мини-мульти», «Комплексное исследование личности осужденного», опросник Шмишека, опросник агрессивности Басса-Дарке) (Овчарова, 2021);

3) отношения с социальным окружением: отсутствие связей с членами семьи, родственниками либо враждебно-конфликтные отношения с ними. Так, анализируя результаты опроса осужденных, Н. В. Ольховик и Л. М. Прокументов отмечают, что новые преступления обусловлены утратой социальных связей, негативным психологическим воздействием социальной среды и ухудшением социальных условий (Ольховик, Прокументов, 2009). Характеризуя социальное взаимодействие бывших осужденных, Е. В. Распопин выявил негативные формы взаимоотношений, способствующие вовлечению в занятия противоправными деяниями и неблагоприятные социально-экономические условия, способствующие рецидиву (Распопин, 2020).

Анализируя представления о криминогенной личности и причины, способствующие повторному совершению преступлений, следует выделить в их числе направление изучения субъективных представлений криминогенной личности о себе как субъекте противоправного поведения. В рамках данного направления криминальное поведение выступает результатом оценки личностью своего противоправного поведения как способа реализации субъектности – антиобщественной позиции личности, воплощенной в относительно устойчивом и последовательном предпочтении противоправного поведения правопослушному. В рамках данного направления нами и будет рассмотрена специфика самореализации криминогенной личности.

Самореализация криминогенной личности. Руководствуясь представлениями о самореализации психологической детерминанты активности личности, охарактеризуем ее сущность. Согласно С. И. Кудинову, самореализация является комплексной по организации и результативной по характеру воплощения формой поведения личности, реализующей субъектность (Кудинов, 2007). В таком представлении самореализация выступает комплексным образованием, интегрирующим в себе такие процессы, как самоактуализация, самовыражение, самоутверждение, самораскрытие, самосовершенствование (Забелина, 2013). Следуя разработанной С. И. Кудиновым концепции, самореализация обеспечивает постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах жизнедеятельности. По мнению К. А. Абульхановой, самореализация базируется на самопознании, самоопределении и готовности личности к воплощению представления о себе (Абульханова-Славская, 1991). Для Н. В. Овчаренко самореализация выступает воплощением личностью имеющихся способностей в жизнь в целях самоутверждения (Овчаренко, 2015). В ее трактовке самореализация является рутинным и утилитарным процессом, предполагающим достижение, в том числе и личностно-значимых, целей. В представлении И. Б. Дермановой самореализация сопряжена с самовыражением, самопроявлением и самоутверждением личности (Дерманова, 2004). Следует согласиться с Р. М. Шамяновым в том, что изменения зрелой личности характеризуется особым отношением к социальной ситуации, в которой пребывает личность, имеющая опыт и навык усвоения социальной информации, привычные механизмы (которые до определенной степени не нарушаются), наконец, субъектную позицию, сформированную на протяжении определенного времени; кроме того, она имеет отличные механизмы и институты (Шамянов, 2012).

В деятельности специалистов исправительных учреждений ФСИН России особенности самореализации изучаются в качестве характеристики, включенной в различные измерения субъектности личности. Так, к примеру, в исследовании А. В. Вилковой и В. М. Литвишко-

ва воспитание устойчивости личности к криминальному поведению выполняется с учетом сформированности самореализации личности (Вилкова, Литвишков, 2018). Исследования криминогенных лиц подчеркивают значимость воздействия на самореализацию при решении задач ресоциализации. В частности, формирование профессионального самоопределения осуществляется Л. И. Кундозеровой с соавторами с опорой на субъективные представления осужденных подростков о самореализации (Кундозерова, Чириков, Бабушкин, 2019). В работе Т. В. Пивоваровой отмечается роль духовно-нравственного воспитания в создании ценностных оснований самореализации несовершеннолетних осужденных (Пивоварова, 2014). В исследовании И. М. Эльхановой подвергается анализу механизм самореализации несовершеннолетних правонарушителей, выявляется способность к рефлексии целей саморазвития, ресурсов их достижения (Эльханова, Беленкова 2023). Следует отметить, что при достаточно детальном изучении самореализации несовершеннолетних относительно слабо представлены исследования зрелых лиц. В их числе работы, характеризующие самоактуализацию (Цветкова, Волкова, 2022) и иные характеристики субъектности, такие как жизненные планы (Наприс, 1997) и жизненный путь осужденного (Ипполитова, Вологодина, 2019). Однако в них не рассматривается специфика самореализации лиц с различным типом криминогенности, а также не оцениваются ее характеристики с учетом влияния социального окружения. Недостаток исследований самореализации криминогенной личности ставит вопрос о восполнении отсутствующих научных знаний о роли социального окружения в ее реализации. Их дефицит не позволяет в полной мере раскрыть сущность самореализации, определить соотношение составляющих ее социально-типичных и индивидуально-специфических компонент, выявить роль социального окружения в ее осуществлении. Как следствие, снижается эффективность психологической коррекции криминогенной личности. Отсутствие представлений о характеристиках самореализации криминогенной личности, и, в особенности, значения социального окружения восполняется нами посредством эмпирического исследования.

Цель исследования – изучение самореализации личности в зависимости от типа криминогенности поведения и отношений к социальному окружению.

Гипотеза исследования заключается в том, что самореализация криминогенных лиц зависит от типа криминогенности и характера отношений к социальному окружению.

Методы исследования подразделялись на методы сбора и обработки информации. Сбор информации о самореализации осуществлялся посредством методики «**Шкала направленности на самореализацию и трудностей в ее осуществлении**» (С. И. Кудинов, в модификации К. В. Злоказова), а также авторского опросника «Оценка взаимодействия с социальным окружением».

Методика «**Шкала направленности на самореализацию и трудностей в ее осуществлении**» является модифицированным вариантом методики С. И. Кудинова (Злоказов, 2024). Модифицированная шкала включает 10 пунктов первоначального опросника, 5 из которых характеризуют направленность на самореализацию, а 5 трудности. Характеристики отдельных пунктов изменены в целях облегчения восприятия опрашиваемыми лицами. Полученная шкала самореализации обладает удовлетворительными показателями согласованности и связанности (значения α -Кронбаха = 0,73, корреляция утверждений = 0,44). Модифицированная шкала позволяет оценить степень стремления к самореализации, а также выраженность сопутствующих этому трудностей. Направленность на самореализацию характеризует желание субъекта реализовать собственные планы, цели, способности, тогда как шкала трудностей свидетельствует о неудачах, препятствиях и ограничениях в самореализации. Анализ распределения ответов показал наличие высказываний по всем диапазонам измерения, что свидетельствует о достаточности выбранной шкалы для оценки субъективных представлений о самореализации.

Методика «**Оценка взаимодействия с социальным окружением**» состоит из 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы: «Восприятие поддержки социального окружения», «Самооценка взаимодействия с социальным окружением», «Способность оказывать влияние на социальное окружение». Методика характеризует функциональное значение отношений личности к социальному окружению, показывающее значение людей, составляющих ее окружение, для ее социального функционирования, формировании самооотношения и реализации субъективно-значимых целей.

Утверждения снабжены интервальной шкалой оценивания с пятибалльным диапазоном, где полюса представляют противоположные по значению качества отношений (например: «бесчувственность-внимательность», «лживость-честность», «запутанность-точность» и пр.).

Оценка согласованности ответов респондентов, выполненная посредством расчета α -Кронбаха и расчет корреляции между утверждениями показала удовлетворительные результаты («Поддержка социального окружения» α -Кронбаха = 0,77, $r=0,49$, «Самооценка взаимодействия с социальным окружением» α -Кронбаха = 0,72, $r=0,42$, «Способность оказывать влияние на социальное окружение» α -Кронбаха = 0,79, $r=0,39$).

Методом обработки информации выступили процедуры дескриптивной статистики, использовавшиеся для оценки характеристик распределения собранных данных. Применение критерия Шапиро-Уилкса показало отклонение от параметров нормального распределения по всем показателям исследования ($p < 0,05$). В этой связи для тестирования гипотезы использовался непараметрический критерий сравнения групп – U-критерий Манна-Уитни, оценка мощности различий осуществлялась методом рангово-бисериальной корреляции.

Тестирование гипотез осуществлялось посредством оценки влияния параметров социального окружения и отношений к нему на переменные «Направленность самореализации» и «Трудности самореализации» в подгруппах выборки, различающихся по криминализации методом расчета обобщенной линейной модели (general linear model, GLM).

Выборка объемом 388 человек формировалась с целью тестирования гипотезы исследования. Составляющие ее лица различаются по криминогенности на: а) правопослушных лиц, не привлекавшихся к уголовной ответственности (142 человека, мужчин 88,7 %, ср. возраст 29,2 года), б) ситуативно-криминогенных лиц, однократно судимых за совершение умышленных преступлений, 133 человека, мужчин 84,24 %, ср. возраст 28,3 года; в) последовательно криминогенных лиц, имеющих от 3 до 9 судимостей, 113 человек, мужчин 96,4 %, ср. возраст 29,7 лет. Судимые лица опрашивались по месту отбывания наказания в исправительных учреждениях ФСИН России Архангельской, Кировской и Свердловской областей.

Результаты исследования

Первым результатом исследования выступили субъективные оценки трудностей самореализации и ее направленности в выборках, различающихся по уровню криминализации (см. табл. 1).

Результаты свидетельствуют о значимых различиях в характеристиках самореализации между группами правопослушных лиц, а также лиц с ситуативно-криминогенной и последовательно-криминогенной направленностью.

Оценка трудностей самореализации. При попарном сравнении правопослушные лица характеризуются наименьшими трудностями самореализации в сравнении с ситуативно-криминогенными (U-крит. = 7390, $p = 0,002$, $r_b = 0,217$) и последовательно-криминогенными лицами (U-крит. = 7390, $p = 0,0002$, $r_b = 0,386$). Статистически значимые различия в трудностях самореализации выявлены и между группами лиц с разным уровнем криминогенности (U-крит. = 5982, $p = 0,006$, $r_b = 0,204$).

Таблица 1. Субъективные характеристики самореализации лиц с разным уровнем криминогенности

Table 1. Subjective characteristics of self-realization of persons with different levels of criminality

Подгруппы выборки	Характеристики самореализации	
	Трудности самореализации	Направленность самореализации
Правопослушные	Ср.знач. = 11,4, SD = 2,91	Ср.знач. = 15,2, SD = 2,41
Ситуативно-криминогенные	Ср.знач. = 12,6 SD = 3,76	Ср.знач. = 12,8 SD = 3,66
Последовательно-криминогенные	Ср.знач. = 13,8 SD = 3,70	Ср.знач. = 14,1 SD = 3,37

Оценка направленности в самореализации. При попарном сравнении групп наибольшая устойчивость направленности свойственна правопослушным лицам в сравнении с ситуативно-криминогенными лицами (U -крит. = 5614, $p = 0,001$, $r_b = 0,405$) и последовательно-криминогенными лицами (U -крит. = 6399, $p = 0,005$, $r_b = 0,202$), а также между лицами с разной криминогенностью (U -крит. = 6035, $p = 0,007$, $r_b = 0,197$). Следует отметить, что в значениях среднего наименьшая устойчивость направленности самореализации свойственна ситуативно-криминогенным лицам.

Вторым результатом исследования стали характеристики отношений к социальному окружению в группах лиц с разной криминогенностью.

Сопоставление групп продемонстрировало статистически значимое различие в их характеристиках. Так, оценка социальной поддержки наиболее выражена в группах правопослушных лиц и статистически отличается от ситуативно-криминогенных (U -крит. = 5554, $p = 0,001$, $r_b = 0,412$) и последовательно-криминогенных лиц (U -крит. = 1213, $p = 0,001$, $r_b = 0,849$). Отличия установлены также в характеристиках самоотношения во взаимодействии, демонстрируя наиболее высокие значения показателя у правопослушных лиц в сравнении с ситуативно-кри-

Таблица 2. Характеристики отношений к социальному окружению лиц с разным уровнем криминогенности

Table 2. Characteristics of attitudes towards the social environment of persons with different levels of criminality

Подгруппы выборки	Характеристики отношений к социальному окружению		
	Оценка социальной поддержки	Самоотношение во взаимодействии	Соучастие окружающих
Правопослушные	Ср. знач. = 21,9, SD = 3,51	Ср. знач. = 21,5, SD = 3,53	Ср. знач. = 18,9, SD = 3,99
Ситуативно-криминогенные	Ср. знач. = 19,1, SD = 3,61	Ср.знач. = 19,2, SD = 3,49	Ср. знач. = 15,4, SD = 3,64
Последовательно-криминогенные	Ср. знач. = 14,5, SD = 3,91	Ср. знач. = 14,2, SD = 5,01	Ср. знач. = 14,6, SD = 4,10

Таблица 3. Влияние отношений к социальному окружению на направленность самореализации лиц с разным уровнем криминогенности

Table 3. The influence of attitudes towards the social environment on the direction of self-realization of persons with different levels of criminality

Вид влияния	Эффекты влияния	Показатель (Estimate)	Ошибка измерения	95% интервал.		β	z	p
				нижн.	верхн.			
Прямой	Тип криминогенности → направленность самореализации	-0,62	0,33	-1,28	0,04	-0,15	-1,83	0,06
Компонентный	1.1. Тип криминогенности → поддержка социального окружения	-3,94	0,23	-4,41	-3,43	-0,64	-16,81	<0,001
	1.2. Поддержка социального окружения → направленность самореализации	-0,02	0,04	-0,06	0,11	0,03	0,51	0,61
	2.1. Тип криминогенности → самоотношение во взаимодействии	-3,84	0,22	-4,29	-3,41	-0,65	-17,1	<0,001
	2.2. Самоотношение во взаимодействии → направленность самореализации	-0,03	0,04	-0,05	0,12	-0,05	-0,83	0,42
	3.1. Тип криминогенности → соучастие окружения	-2,34	0,23	-2,81	-1,89	-0,45	-10,14	<0,001
	3.2. Соучастие окружения → направленность самореализации	-0,09	0,04	-0,18	-0,06	-0,11	-2,1	0,04
Опосредованный (по типу криминогенности)	Правопослушный	-0,87	0,17	-0,42	0,25	-0,02	-0,51	0,61
	Ситуат. криминоген.	-0,14	0,17	-0,49	0,20	-0,03	-0,81	0,41
	Послед. криминоген.	0,22	0,09	-0,01	0,43	0,05	2,86	0,02

Примечание: здесь и в следующей таблице β – предиктор (регрессор), z – значение эффекта медиации, p – уровень статистической значимости.

миногенными (U-крит. = 6056, p = 0,001, rb = 0,359) и последовательно-криминогенными лицами (U-крит. = 1060, p = 0,001, rb = 0,868). Выявлены статистически значимые различия в оценках соучастия окружающих. Наибольший уровень соучастия характерен окружению правопослушных лиц в сравнении с ситуативно-криминогенными (U-крит. = 4968, p = 0,001, rb = 0,474) и последовательно-криминогенными лицами (U-крит. = 3242, p = 0,001, rb = 0,596).

Третьим и основным результатом эмпирического исследования стала статистическая оценка влияния характеристик социального окружения и уровня криминогенности лиц на направленность самореализации и трудности в ее осуществлении.

Таблица 4. Влияние отношений к социальному окружению на трудности самореализации лиц с разным уровнем криминогенности

Table 4. The influence of attitudes towards the social environment on the difficulties of self-realization of persons with different levels of criminogenicity

Вид влияния	Эффекты влияния	Показатель (Estimate)	Ошибка измерения	95% интервал.		β	z	p
				нижн.	верхн.			
Прямой	Тип криминогенности → трудности самореализации	0,43	0,35	-0,25	1,11	0,06	1,22	0,22
Компонентный	1.1. Тип криминогенности → поддержка социального окружения	-3,94	0,23	-4,41	-3,43	-0,64	-16,81	<0,001
	1.2. Поддержка социального окружения → трудности самореализации	-0,04	0,04	-0,13	0,04	-0,06	-0,97	0,32
	2.1. Тип криминогенности → самоотношение во взаимодействии	-3,84	0,22	-4,29	-3,41	-0,65	-17,12	<0,001
	2.2. Самоотношение во взаимодействии → трудности самореализации	-0,08	0,01	-0,37	0,01	-0,14	-2,09	0,05
	3.1. Тип криминогенности → соучастие окружения	-2,34	0,23	-2,81	-1,89	-0,45	-10,14	<0,001
	3.2. Соучастие окружения → трудности самореализации	-0,13	0,04	-0,22	-0,03	-0,15	-2,78	<0,001
Опосредованный (по типу криминогенности)	Правопослушный	0,17	0,18	-0,17	0,53	0,04	0,97	0,32
	Ситуат.криминоген.	0,32	0,18	-0,03	0,69	0,07	1,78	0,74
	Послед.криминоген.	0,30	0,11	-0,08	0,52	0,06	2,68	0,05

Тестирование проводится методом расчета обобщенной линейной модели (general linear model, GLM).

Оценка осуществляется посредством выявления и оценки эффектов влияния, оказываемого на две зависимые переменные: направленность самореализации и трудности самореализации со стороны двух видов независимых переменных (предикторов): а) характеристик отношений к социальному окружению (поддержки социального окружения, самоотношения во взаимодействии и соучастия окружения) и б) видов криминогенности (правопослушного, ситуативно- и последовательно-криминогенного).

Результаты представлены в таблицах 3 и 4.

Интерпретация результатов

Необходимость уточнения представлений о роли социального окружения для самореализации криминогенной личности выступила основанием для проведения эмпирического исследова-

дования. Тестировалось предположение о зависимости самореализации лиц, различающихся по типу криминогенности, от отношений к социальному окружению. Считая самореализацию одной из ключевых форм воплощения субъектности личности, исследование строилось на предположении того, что изучение самореализации криминогенных лиц обогащает знания о причинах совершения преступлений, а также позволяет уточнить представление о степени общественной опасности лиц, выбирающих преступный способ реализации личностно-значимых целей.

В исследовании изучались два аспекта самореализации криминогенных лиц: а) направленность самореализации, понимаемая как сосредоточение на достижении личностно-значимой цели, объединяющее в себе два компонента – определенность представления о цели и устойчивость в стремлении к ее получению; б) трудности в самореализации, понимаемые как субъективные препятствия, не позволяющие достичь личностно-значимой цели. Оценка самореализации осуществлялась в специально собранной выборке, участники которой по критерию криминогенности их поведения разделялись на правоуполномоченных, ситуативно-криминогенных и последовательно-криминогенных лиц. Результаты свидетельствуют о негативном влиянии криминогенности на самореализацию личности – повышение криминогенности статистически значимо снижает устойчивость в стремлении к ее осуществлению и повышает количество субъективно переживаемых трудностей (Рис. 1). В результате, криминогенность не только затрудняет самореализацию, приводя к отказу от воплощения личностно-значимых целей, но и размывает представление о самореализации, исключая или ограничивая выбор целей для осуществления. Таким образом, криминализация негативно сказывается на позиции личности как субъекте собственной жизнедеятельности.

В результате исследования было расширено представление о значении отношений к социальному окружению в самореализации криминогенных лиц. В частности, установлено, что у лиц с последовательно-криминогенным типом поведения направленность самореализа-

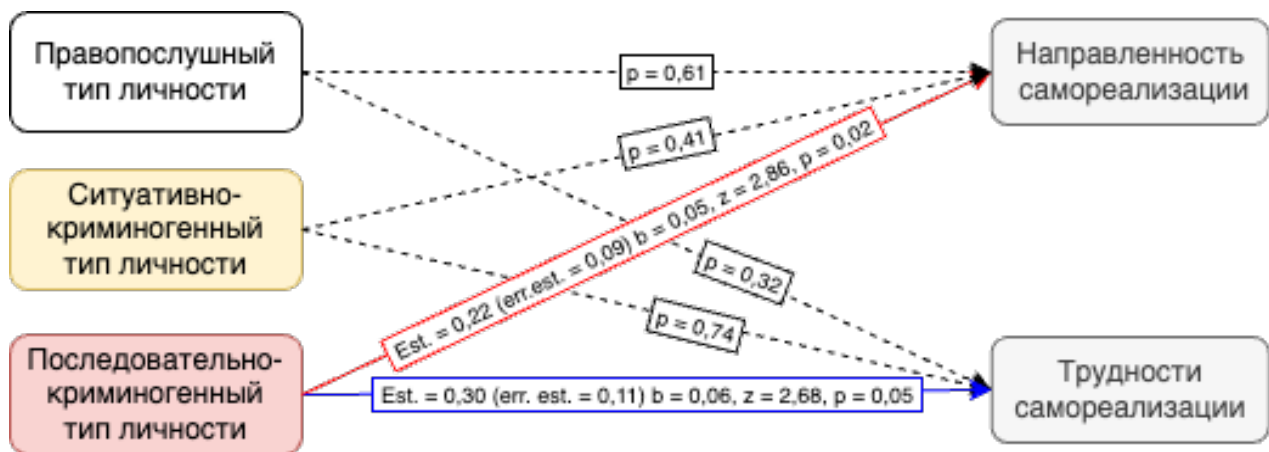

Рис. 1. Влияние криминогенности личности на направленность и трудности самореализации

Fig. 1. The influence of personality criminogenicity on the direction and difficulties of self-realization

Примечание: представлены результаты построения обобщенной линейной модели. Статистически незначимые результаты приведены в значениях коэффициентов p .

ции и трудности в ее осуществлении опосредованы отношениями к социальному окружению (коэффициенты показателя обобщенной линейной модели «Направленность самореализации» $\beta = 0,06$, $z = 2,86$, $p = 0,02$; «Трудности самореализации» $\beta = 0,06$, $z = 2,68$, $p = 0,05$). Таким образом, для личности последовательно-криминогенного типа, характеризующейся устойчивой антиобщественной позицией и соответствующим образом жизни, социальное окружение выступает необходимым условием самореализации. Данный факт свидетельствует о более весомом значении окружения, чем можно было бы предполагать, исходя из классического представления об отношениях между криминогенной личностью и обществом. Следуя ему, общество выступает средством удовлетворения бытийных и социальных потребностей жизнедеятельности криминогенной личности, которые не могут быть получены правопослушным способом. В такой трактовке социальное окружение выступает частью общества, максимально близкой криминогенной личности и поэтому подвергающейся риску криминальных посягательств.

Однако полученные результаты расширяют представление о значении социального окружения (Рис. 2). Во-первых, для функционирования внутриличностных механизмов самореализации криминогенной личности. Результаты показывают, что и направленность самореализации и трудности в ее осуществлении опосредованы представлением криминогенной личности о себе как субъекте взаимодействия. Отношение к себе как субъекту взаимодействия с социальным окружением, по-видимому, предваряет реальное взаимодействие и выступает его регулятором. Схожий результат ранее уже был описан в исследованиях несовершеннолетних правонарушителей (например, в изучении несовершеннолетних осужденных) (Волоткевич, Романов, 2020; Кундозерова и др., 2019), однако нами он получен на выборке зрелых преступников. Его значение в том, что самоотношение выступает медиатором для оценки трудностей самореализации. Как следствие, негативное самоотношение усиливает представление о трудностях реализации личностно-значимых целей и может приводить к отказу от их воплощения.

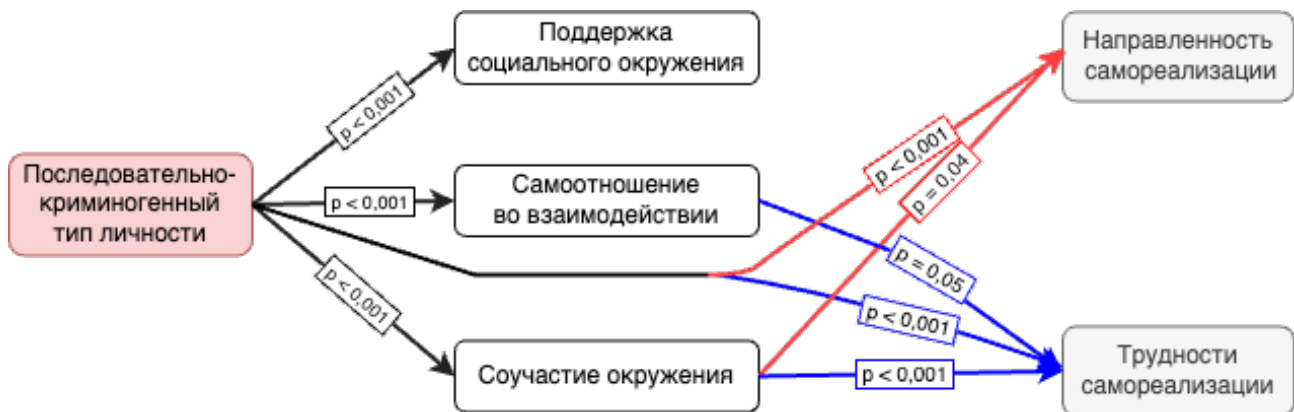

Рис. 2. Значение отношений к социальному окружению в самореализации последовательно-криминогенного типа личности

Fig. 2. The importance of relationships to the social environment in the self-realization of a consistently criminogenic personality type

Примечание: результаты обобщенной линейной модели приведены в значениях статистической значимости (p).

В свою очередь, позитивное самоотношение снижает оценку трудностей, облегчая самореализацию. Можно заключить, что самоотношение во взаимодействии с социальным окружением регулирует процессы самореализации криминогенной личности, что не свойственно право-послушным лицам. Учитывая, что у право-послушных лиц и лиц ситуативно-криминогенного типа значение окружающих выявлено не было, можно заключить, что их механизм самореализации отличается от последовательно-криминогенных лиц.

Во-вторых, полученные результаты указывают, что направленность самореализации и преодоление трудностей у лиц с последовательно-криминогенным типом поведения опосредованы соучастием социального окружения. Соучастие лиц, составляющих социальное окружение, является необходимым условием для достижения личностно-значимых целей криминогенной личности. Как следствие, недостатки взаимодействия с социальным окружением размывают представление о цели, нарушают последовательность действий по ее достижению, завышая субъективную оценку трудностей в самореализации. Таким образом, самореализация лиц последовательно-криминогенного типа зависит от вовлеченности других людей, составляющих их социальное окружение. Данные выводы согласуются с исследованием жизненных предназначений осужденных, осуществленных Ю. Хотинец с соавторами. Ими было показано, что формирование жизненных предназначений тесно сопряжено с индивидуальными и культурными факторами интеграции в социальные отношения (Хотинец, Вяткин, Калинин, 2012).

Данные выводы подтверждаются результатами сопоставления характеристик самореализации и параметров социального окружения. Выявленные различия указывают на то, что лица с последовательно-криминогенным типом поведения, во-первых, обладают наихудшими показателями направленности самореализации и высокими значениями трудностей, в сравнении с право-послушными и ситуативно-криминогенными лицами. Наилучшими показателями в части самореализации обладают право-послушные лица. Направленность на достижение личностно-значимых целей, равно как и трудности в их достижении у них не имеют статистически значимых связей с социальным окружением, что, на наш взгляд, свидетельствует об определенной независимости от окружения при определении целей самореализации и их достижении.

Полученные выводы в целом согласуются с существующими научными представлениями о жизнедеятельности и социальном функционировании криминогенных лиц. Существующие в криминальной психологии и криминологии объяснения причин преступлений во многом исходят из парадигмы социального отчуждения криминогенных лиц. Наиболее очевидными его последствиями выступают низкий уровень образования, способность выполнять только неквалифицированные виды деятельности, отсутствие постоянного источника дохода, побуждающие к совершению преступлений. Таким образом, в терминах социального отчуждения, социально-экономические, социально-культурные и социально-правовые проявления отчуждения криминогенной личности обуславливают проблемы самореализации криминогенных лиц.

Вместе с тем, на наш взгляд, результаты указывают на психологические особенности криминогенных лиц, которые усугубляют социальное отчуждение, а не позволяют его преодолеть на этапе пенитенциарной и постпенитенциарной профилактики. В рамках исследования они выявлены на примере субъектной позиции криминогенной личности в отношении к самореализации. Она характеризуется зависимостью от социального окружения в определении личностно-значимых целей, поддержании стремления к их достижению и преодоления затруднений. Специфика самоотношения лиц с последовательно-криминогенным типом поведения подтверждается работами исследователей, занимающихся изучением неоднократно судимых лиц (Русakov, 2023; Зауторова, Соболев, 2022). С учетом изложенного можно заключить, что проблематика самореализации криминогенных лиц является одним из актуальных вопросов их декриминализации, ресоциализации и реинтеграции. Несмотря на осуществляемую

ФСИН России пенитенциарную и постпенитенциарную работу с осужденными лицами, выражающуюся в предоставлении им возможности получения образования, повышения квалификации, осуществление мер социально-правовой, психологической, экономической и иных видов помощи, вопросы криминализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, являются актуальными. Выполненное исследование показывает, что причинами рецидива преступлений данной категории лиц могут выступать недостатки субъектности криминогенной личности, проявляющиеся в пассивном, попустительском и безынициативном отношении к собственной жизни. Через призму полученных результатов видится обоснованным совершенствование психологического сопровождения криминогенных лиц, нацеленное на развитие субъектной позиции личности, формирование способностей к выстраиванию отношений с социальным окружением, позволяющие получать необходимые ресурсы социального функционирования, корректировать самоотношение на посткриминальном (пенитенциарном и постпенитенциарном) этапах жизнедеятельности как условия профилактики рецидивной преступности неоднократно судимых лиц.

Заключение

В статье рассматривались предпосылки, основания, процедура и результаты исследования самореализации криминогенных лиц в зависимости от отношений к социальному окружению. Актуальность исследования заключается в изучении самореализации как одного из проявлений субъектности криминогенной личности, которая может носить антиобщественный характер и проявляться в противоправном поведении, а может иметь общественно-полезное значение и характеризоваться правопослушным поведением. Результаты показывают, что:

а) криминогенность негативно влияет на самореализацию криминогенной личности, затрудняя выбор личностно-значимой цели, ее удержание и достижение;

б) необходимым условием для поддержания направленности и преодоления трудностей в самореализации криминогенной личности выступает наличие отношений с социальным окружением;

в) самореализация криминогенной личности зависит от отношения к себе как субъекту взаимодействия с окружающими и соучастия других людей в достижении личностно-значимых целей.

Полученные результаты, на наш взгляд, имеют несколько значений. Теоретическое значение заключается в расширении представлений о негативной роли криминогенности в реализации субъектности личности. Дальнейшим направлением исследований выступает детализация этого влияния на субъектность в части различных характеристик жизнедеятельности – планирования жизненного пути, выбора и поддержания определенного образа жизни, иерархии жизненных целей. Методическое значение заключается в расширении возможностей диагностики криминогенности личности и общественной опасности поведения через изучение видов и форм самореализации. В целом полученные результаты демонстрируют эвристический потенциал исследований сферы самореализации криминогенной личности как в интересах изучения личностных особенностей, позволяющих снижать риск криминального поведения, ускорять и повышать эффективность декриминализации, социальной реадaptации и реинтеграции ранее судимых лиц в общество.

Список литературы

- Абульханова-Славская, К. А. (1991). *Стратегия жизни*. Москва: Мысль.
- Бусыгин, Н. И., Вербина, Г. Г. (2017). Социально-психологические аспекты адаптации осужденных после освобождения из мест лишения свободы. *Современные тенденции развития науки и технологий*, 2-10, 35–38.

- Вилкова, А. В., Литвишков, В. М. (2018). Несовершеннолетние осужденные: воспитание устойчивости личности. *Образование и наука в России и за рубежом*, 7 (42), 28–32.
- Волоткевич, О. В., Романов, А. А. (2020). К вопросу о необходимости развития антиципационных способностей у несовершеннолетних осужденных без лишения свободы. *Прикладная юридическая психология*, 4 (53), 40–44.
- Денисов, А. Д. (2019). Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве. *Уголовно-исполнительное право*, 14 (1–4), 3, 269–273.
- Дерманова, И. Б. (2004). К вопросу о самоактуализации и самореализации в юношеском возрасте. В Л. А. Коростылев (ред.), *Психологические проблемы самореализации личности* (вып. 8, стр. 89–101). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Забелина, А. В. (2013). Проблема самоактуализации личности. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, 3 (7), 26–32.
- Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. (2022). Особенности осмысленности жизни у осужденных с длительными сроками отбывания наказания. *Пенитенциарная наука*, 16 (3 (59)), 320–326.
- Злоказов, К. В. (2024). *Адаптация лиц, находящихся под административным надзором: социально-психологическая концепция, методы и средства*: монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Ипполитова, Е. А., Вологодина, П. Е. (2019). Субъективная картина жизненного пути женщин, осужденных к лишению свободы. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 8 (4 (29)), 299–302.
- Кохман, Д. В., Добров, Д. А. (2021). Некоторые особенности трудоустройства осужденных к наказанию в виде исправительных работ: опыт России и стран СНГ. *Вестник Воронежского института ФСИИ России*, 1, 172–179.
- Кротова, Д. Н., Цветкова, Н. А. (2023). Самоактуализация осужденного как один из психологических критериев его исправления. *Человек: преступление и наказание*, 4, 592–609. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).4.592-609](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609)
- Кудинов, С. И. (2007). Полисистемный подход исследования самореализации личности. *Сибирский педагогический журнал*, 11, 335–344.
- Кундозерова, Л. И., Чириков, А. Г., Бабушкин, М. М. (2019). Формирование профессионального самоопределения осужденных подростков в воспитательных колониях. *Вестник Самарского юридического института*, 1 (32), 120–126.
- Наприс, А. В. (1997). *Психологическая характеристика личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста: на материалах исправительных колоний строгого режима*: дис. ... канд. психол. наук. Рязань.
- Овчаренко, Н. В. (2015). Сравнительный анализ понятий "самореализация" и "самоактуализация" как составляющих категориального аппарата философии образования. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3-3 (53), 141–144.
- Овчарова, Е. В. (2021). Алгоритм работы психолога по определению степени исправления осужденного. *Прикладная юридическая психология*, 4 (57), 46–52.
- Ольховик, Н. В., Прозументов, Л. М. (2009). *Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение*. Томск: Издательство Томского университета.
- Коноплева, И. Н., Князева, С. О., Дебольский, М. Г., Красненкова, С. А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право*, 12 (2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>

- Пивоварова, Т. В. (2014). Духовно-нравственное воспитание как ценностная обусловленность самореализации личности несовершеннолетних осужденных. В Н. А. Коваль (отв. ред.), *Психологические проблемы самореализации современной молодежи: материалы VI Международного семинара молодых ученых и аспирантов* (Тамбов, 23 апреля 2014 года, стр. 58–62). Тамбов: ТРОО "Бизнес-Наука-Общество".
- Писарев, О. М. (2018). Изучение жизнестойкости личности на этапе постпенитенциарной реабилитации как социально-психологическая проблема. *Прикладная юридическая психология*, 1 (42), 60–66.
- Распопин, Е. В. (2020). Изучение причин, препятствующих успешной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*, 7, 90–94.
- Русаков, С. В. (2023). Сравнительный анализ жизненных планов осужденных различных режимов в местах лишения свободы. *Виктимология*, 10 (4), 525–537. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-525-537>
- Сердюкова, Е. Ф. (2016). Ресоциализация осужденных посредством психологического сопровождения. *Мир науки, культуры, образования*, 5 (60), 258–261.
- Филиппова, О. В., Смирнов, А. В., Чернышева, Е. В. (2022). Криминологическая характеристика личности рецидивиста в России: основные тенденции изменения параметров в современный период. *Всероссийский криминологический журнал*, 16 (2), 207–216.
- Хотинец, В. Ю., Вяткин, Б. А., Калинин, А. А. (2012). Ценностно-мотивационные факторы жизненных предназначений осужденных пенитенциарных учреждений. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 2 (49), 7–11.
- Цветкова, О. А., Волкова, О. В. (2022). Особенности самореализации лиц, осужденных за тяжкие преступления. *Живая психология*, 9 (5 (37)), 11–18. https://doi.org/10.58551/24136522_2022_9_5_11
- Шамионов, Р. М. (2012). Социализация и ресоциализация личности: нормативность и процессуальность. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*, 1 (4), 3–8.
- Эльханова, И. М., Беленкова, Л. Ю. (2023). Адаптационные технологии как средство формирования психологической самореализации несовершеннолетних осужденных. В А. И. Вострецов (ред.), *Наука и образование в современном мире: вопросы теории и практики: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции* (Нефтекамск, 31 января 2023 года, стр. 307–314). Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки».

References

- Abul'hanova-Slavskaya, K. A. (1991). *Strategiya zhizni*. Moscow: Mysl'.
- Busygin, N. I., Verbina, G. G. (2017). Social'no-psihologicheskie aspekty adaptacii osuzhdyonnyh posle osvobozhdeniya iz mest lisheniya svobody. *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologii*, 2-10, 35–38.
- Vilkova, A. V., Litvishkov, V. M. (2018). Nesovershennoletnie osuzhdennye: vospitanie ustojchivosti lichnosti. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*, 7 (42), 28–32.
- Volotkevich, O. V., Romanov, A. A. (2020). K voprosu o neobhodimosti razvitiya anticipacionnyh sposobnostej u nesovershennoletnih osuzhdennyh bez lisheniya svobody. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (53), 40–44.
- Denisov, A. D. (2019). Social'no-demograficheskaya i ugolovno-pravovaya harakteristika osuzhdennyh, sovershivshih prestuplenie pri recidive. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 14 (1–4), 3, 269–273.

- Dermanova, I. B. (2004). K voprosu o samoaktualizacii i samorealizacii v yunosheskom vozraste. V L. A. Korostylev (red.), *Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti* (vyp. 8, str. 89–101). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Zabelina, A. V. (2013). Problema samoaktualizacii lichnosti. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 3 (7), 26–32.
- Zautorova E. V., Sobolev N. G. (2022). Osobennosti osmyslennosti zhizni u osuzhdennykh s dlitel'nymi srokami otbyvaniya nakazaniya. *Penitenciarnaya nauka*, 16 (3 (59)), 320–326.
- Zlokazov, K. V. (2024). *Adaptaciya lic, nahodyashchih'sya pod administrativnym nadzorom: social'no-psihologicheskaya koncepciya, metody i sredstva*: monografiya. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Ippolitova, E. A., Vologdina, P. E. (2019). Sub"ektivnaya kartina zhiznennogo puti zhenschin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody. *Azimet nauchnykh issledovanij: pedagogika i psihologiya*, 8 (4 (29)), 299–302.
- Kohman, D. V., Dobrov, D. A. (2021). Nekotorye osobennosti trudoustrojstva osuzhdennykh k nakazaniyu v vide ispravitel'nyh rabot: opyt Rossii i stran SNG. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 1, 172–179.
- Krotova, D. N., Cvetkova, N. A. (2023). Samoaktualizaciya osuzhdennogo kak odin iz psihologicheskikh kriteriev ego ispravleniya. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 4, 592–609. [https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31\(1-4\).4.592-609](https://doi.org/10.33463/2687-1238.2023.31(1-4).4.592-609)
- Kudinov, S. I. (2007). Polisistemnyj podhod issledovaniya samorealizacii lichnosti. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 11, 335–344.
- Kundozerova, L. I., Chirikov, A. G., Babushkin, M. M. (2019). Formirovanie professional'nogo samoopredeleniya osuzhdennykh podrostkov v vospitatel'nyh koloniyah. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 1 (32), 120–126.
- Napris, A. V. (1997). *Psihologicheskaya harakteristika lichnostnykh zhiznennykh planov i ih vliyanie na povedenie osuzhdennykh molodezhnogo vozrasta: na materialah ispravitel'nyh kolonij strogogo rezhima*: dis. ... kand. psihol. nauk. Ryazan'.
- Ovcharenko, N. V. (2015). Sravnitel'nyj analiz ponyatij "samorealizaciya" i "samoaktualizaciya" kak sostavlyayushchih kategorial'nogo apparata filosofii obrazovaniya. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. *Voprosy teorii i praktiki*, 3-3 (53), 141–144.
- Ovcharova, E. V. (2021). Algoritm raboty psihologa po opredeleniyu stepeni ispravleniya osuzhdennogo. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 4 (57), 46–52.
- Ol'hovik, N. V., Prozumentov, L. M. (2009). *Recidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i eyo preduprezhdenie*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.
- Konopleva, I. N., Knyazeva, S. O., Debol'skij, M. G., Krasnenkova, S. A. (2022). Osobennosti samoregulyacii u osuzhdennykh, sovershivshih prestupleniya pri recidive. *Psihologiya i pravo*, 12 (2), 27–41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Pivovarova, T. V. (2014). Duhovno-nravstvennoe vospitanie kak cennostnaya obuslovlennost' samorealizacii lichnosti nesovershennoletnih osuzhdennykh. V N. A. Koval' (otv. red.), *Psihologicheskie problemy samorealizacii sovremennoj molodezhi*: materialy VI Mezhdunarodnogo seminar molodyh uchenykh i aspirantov (Tambov, 23 aprelya 2014 goda, str. 58–62). Tambov: TROO "Biznes-Nauka-Obshchestvo".
- Pisarev, O. M. (2018). Izuchenie zhiznestojkosti lichnosti na etape postpenitenciarnej rehabilitacii kak social'no-psihologicheskaya problema. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 1 (42), 60–66.

- Raspopin, E. V. (2020). Izuchenie prichin, prepyatstvuyushchih uspehnoj resotsializatsii lic, osvobodivshisya iz mest lisheniya svobody. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie*, 7, 90–94.
- Rusakov, S. V. (2023). Sravnitel'nyj analiz zhiznennyh planov osuzhdennyh razlichnyh rezhimov v mestah lisheniya svobody. *Viktimologiya*, 10 (4), 525–537. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2023-10-4-525-537>
- Serdyukova, E. F. (2016). Resotsializatsiya osuzhdyonnyh posredstvom psihologicheskogo soprovozhdeniya. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 5 (60), 258–261.
- Filippova, O. V., Smirnov, A. V., Chernysheva, E. V. (2022). Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti recidivista v Rossii: osnovnye tendentsii izmeneniya parametrov v sovremennyj period. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 16 (2), 207–216.
- Hotinec, V. Yu., Vyatkin, B. A., Kalinenko, A. A. (2012). Cennostno-motivatsionnye faktory zhiznennyh prednaznachenij osuzhdennyh penitentsiarnyh uchrezhdenij. *Psihopedagogika v pravoohranytel'nyh organah*, 2 (49), 7–11.
- Cvetkova, O. A., Volkova, O. V. (2022). Osobennosti samorealizatsii lic, osuzhdyonnyh za tyazhkie prestupleniya. *Zhivaya psihologiya*, 9 (5 (37)), 11–18. https://doi.org/10.58551/24136522_2022_9_5_11
- Shamionov, R. M. (2012). Socializatsiya i resotsializatsiya lichnosti: normativnost' i processual'nost'. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, 1 (4), 3–8.
- El'hanova, I. M., Belenkova, L. Yu. (2023). Adaptatsionnye tekhnologii kak sredstvo formirovaniya psihologicheskoy samorealizatsii nesovershennoletnih osuzhdennyh. V A. I. Vostrecov (red.), *Nauka i obrazovanie v sovremennoy mire: voprosy teorii i praktiki: materialy Mezhdunarodnoj (zaochnoj) nauchno-prakticheskoy konferentsii (Neftekamsk, 31 yanvarya 2023 goda, str. 307–314)*. Neftekamsk: Nauchno-izdatel'skij centr «Mir nauki».

Информация об авторе

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

About the author

Kirill V. Zlokazov – Head of the Research Department of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 19.02.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Опубликована 28.07.2024

Submitted February 19, 2024

Approved after reviewing May 29, 2024

Accepted July 28, 2024